

«Дядюшкин сон». Данная позиция, по ее мнению, у Федора Достоевского всесторонняя, поскольку она в определенной мере формирует *метароман* автора, это константа его авторской манеры.

Третий раздел посвящен теме, не раскрытой в современном украинском литературоведении. Речь идет о рецепции творчества Федора Достоевского в Украине. Этот раздел может быть самостоятельным исследованием и его наличие в данной монографии делает ее многосторонней и интересной для разных реципиентов. Вне сомнения, ценным является и архивное дополнение монографии статьями Д. Чижевского «К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов – Достоевский – Ницше)» и «Масарик и Достоевский», которые Елена Быстрова перевела на украинский язык и которые напечатаны в Украине впервые. Эти материалы станут необходимыми для ученых и исследователей. Статьи оснащены комментариями, которые помогут более глубоко вникнуть в суть изложенного материала. Приятным дополнением к такому целостному научному изданию является подборка фотографий и репродукций Достоевского, Чижевского и других деятелей культуры, о которых шла речь в третьем разделе.

А недостатки? Естественно, они имеются, как и в каждой новаторской работе. Скажем, можно говорить о том, что недостаточно освещены такие вопросы, как взаимосвязь социального и психологического в романах «Идиот» и «Братья Карамазовы», соотношение факта и соответствующей идеи как проблема стиля. Чувствуется отсутствие указателя имен. Однако все это – замечания частного характера. Ибо главное видится в том, что почти каждая страница монографии дает пищу для ищущего сердца и жаждущего ума. Поэтому и надеюсь, что эта книга подтолкнет украинских переводчиков к переводу всего наследия писателя. Ведь издание сочинений Ф. Достоевского в украинских переводах становится крайне необходимым. Ведь еще Иван Франко не случайно назвал Федора Достоевского «наигениальнейшим писателем» в русской литературе.

Мне хочется завершить рецензию мыслью о том, что есть еще одна важная функция рецензируемой монографии. Она состоит в том, что каждый реципиент, прочитав какое-либо произведение писателя, может обратиться к его поэтическому анализу и интерпретации, проведенных здесь и, таким образом, окунуться в мир неповторимой авторской манеры, художественного мира, психологических глубин души человека, проникнуть в структурное единство формы и смысла художественно совершенного текста.

Надійшла до редколегії 10.05.2011

УДК [821.161.1+82(4)]-31.09

Д. А. Зубарь

г. Луганск

МОТИВ СМЕРТИ ДВОЙНИКА В РУССКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ ДЕКАДЕНТСКОМ РОМАНЕ

Розглядається мотив смерті двійника як характерна риса російського та європейського декадентського роману.

Ключові слова: декадентський роман, герой і антигерой, двійник, смерть двійника, мотив вбивства і самогубства.

Рассматривается мотив смерти двойника как характерная черта русского и европейского декадентского романа.

Ключевые слова: декадентский роман, герой и антигерой, двойник, смерть двойника, мотив убийства и самоубийства.

The research focuses on the motif of the death of the protagonist's counterpart as a specific feature of the Russian and European decadent novel.

Key words: decadent novel, hero and antihero, counterpart, counterpart's death, the motif of murder and suicide.

Декаданс в западноевропейской литературе выражает одну из самых ярких, сенсационных, самобытных, скандально-парадоксальных мировоззренческих позиций, что обуславливает вполне естественный интерес науки и критики к данному литературному явлению. Несмотря на несомненный интерес к традиции упадка, подлинное идейное содержание декадентской литературы часто ускользает от исследователей за внешним эпатажем и циничным пафосом этих произведений. Дерзкие заявления и действия героев декадентских романов, бросающие вызов традиционным представлениям об этике, обескураживают, сбивают с толку читателей, скрывая от них идейное содержание, ничуть не уступающее по глубине и нравственной силе традиционной дидактико-философской романной прозе. В данной статье рассматриваются произведения, чей жанр мы определяем как декадентский роман. Первые два романа – «Наоборот» Ж. К. Гюисманса и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда – принято считать каноническими образцами западноевропейского декадентского романа. Вторую группу рассматриваемых нами произведений – романы Ф. К. Сологуба «Тяжелые сны» и «Мелкий бес», трилогию «Творимая легенда», а также романы М. П. Арцыбашева «Санин» и «У последней черты» – А. Н. Долгенко относит к традиции русского декадентского романа [5]. Целью статьи является раскрытие темы смерти двойника как одной из характерных черт русского и европейского декадентского романа. В своем исследовании А. Н. Долгенко пишет о том, что «в центре идейного мира русского декадентского романа – крайний индивидуализм солипсического толка, в котором человек вытесняет Бога и занимает его место. Причем, не просто человек, а исключительная личность (казус Раскольникова). Следствием этого оказывается генеральный тезис – тезис о принципиальной бессмысленности жизни: без Бога жизнь бессмысленна (казус Карамазова). Художественное утверждение идеи бессмысленности жизни инициирует поиски смысла поначалу в удовольствиях (отсюда эсхатологический гедонизм и эротика – пристальное внимание к «вопросам пола»), а затем в смерти (удовольствия жизни предельны. И лишь смерть дает вечное наслаждение небытия). Отсюда и легкость в обращении со смертью (своей и чужой). В идейном мире русского декадентского романа происходит полная дискредитация христианской этики (понятия греха, стыда, вины, совести и пр. не актуальны)» [5, с. 7]. По мнению А. Л. Кудиной, апология аморализма и асоциальности в романах Арцыбашева достигает такой степени, что романы Арцыбашева могут быть определены как асоциальные: «Арцыбашев создал жанр асоциального романа, который не вписывается не в русло классического русского романа (И. Тургенев, Ф. Достоевский, Л. Толстой и др.), ни в рамки романа символистского (А. Белый,

Дм. Мережковский, Ф. Сологуб) [7, с. 11]. Мы же считаем, что в декадентских романах выражены идеи более глубокие, нежели дискредитация христианской этики или пропаганда асоциальности, в чем можно убедиться, если взглянуть на композицию и конфликт декадентского романа с несколько иной точки зрения.

Важнейшим мотивом, на котором строится конфликт декадентского романа, является, на наш взгляд, тема смерти двойника. В нашей статье «Символ змея-дракона в трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда», проводя параллель между образом Григория Триродова в трилогии «Творимая легенда», образом дракона-двойника в поэтическом творчестве Сологуба и образом дракона в волшебных сказках (опираемся на исследования В. Я. Проппа), мы приходим к выводу, что дракон в «Творимой легенде» является воплощением темы двойника. Главный герой имеет единоприродного двойника, который может погибнуть только от руки героя. Именно эту идею олицетворяет мотив змеборства: борьбы змея против змея (ибо змей может погибнуть только через своего единоприродного двойника) или борьбы змея против самого себя (ибо змей может погибнуть только через самого себя) [6; 8]. Следует отметить, что тема двойника синтезирует в себе как тему убийства, так и тему самоубийства, столь важные в декадентском романе. Весьма плодотворна в этом плане параллель с романом О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», так как в этом романе также актуализируется тема двойника. Декадентская деградация Дориана начинается с появления в его жизни двойника – портрета, этот двойник единоприродный, между Дорианом и двойником существует мистическая связь, в финале, что для нас очень важно, Дориан совершает интегрированное убийство-самоубийство: пытаюсь убить двойника, он убивает себя, пытаюсь совершить убийство, он совершает самоубийство. В результате смерти двойника исчезает все зло, а остается лишь благо: исчезает безнравственный, жестокий Дориан, причинивший столько горя людям, он превращается в безобразного мертвеца. Остается завораживающий, не меркнувший со временем портрет прекрасного юноши, запечатлевший гармонию тела и души, ибо был нарисован еще до того, как эта гармония была нарушена.

Мы полагаем, что тема смерти двойника присутствует и в русских декадентских романах. Например, многими исследователями отмечается значение антагонизма между героем и антигероем в прозе Арцыбашева. А. Л. Кудина в диссертации на тему «Жанровое своеобразие произведений Михаила Арцыбашева» (2009) отмечает, что «разработать жанровую типологию произведений М. Арцыбашева возможно только при условии выявления в его творчестве определенной жанровой доминанты <...> такой жанровой доминантой может быть признана типология героев, что не исключает возможностей других подходов» [7, с. 7]. По мнению исследователя, персонажей произведений Арцыбашева можно разделить на три типа: «Прежде всего это мужские образы, среди которых выделяется тип «арцыбашевского героя» (иначе – арцыбашевский герой «санинского типа») – к нему относятся персонажи, которые персонифицируют авторский идеал или приближаются к нему; также очень широко в творчестве писателя представлен тип «антигероя», который противостоит авторскому идеалу; и, наконец, особенную группу являют собой женские образы» [7, с. 9]. А. Л. Кудина разделяет малую прозу М. Арцыбашева на две группы в зависимости от

характеристики главного героя: на произведения с доминантной и рецессивной авторской позицией. Что же касается романа «Санин», здесь очень ярко проступает антагонизм героя и антигероя, Санина и Сварожича, что также отмечается исследователем: «Повествовательный план, связанный с развитием образа Юрия Сварожича, строится параллельно с санинским планом повествования, что является основанием для их сравнения» [7, с. 11]. Подобного мнения придерживается и И. В. Суворова, которая в диссертации «Концепция «естественного человека» в прозе М. П. Арцыбашева» (2007) указывает на то, что «рассказы и повести М. П. Арцыбашева построены на противопоставлении двух персонажей. Именно в нем персонифицируются противоположные «философии существования», раскрывающие характеры и психологию изображаемых людей, и заявлена одна из главных антиномий художественного мышления М. П. Арцыбашева»: «естественное» (истинное) – «искусственное» (ложное). Систему персонажей в произведениях писателя определяет противопоставление двух типов героев – тип «жизнеутверждающего» и тип «жизнененавистника» [11, с. 12]. По мнению исследовательницы, «противопоставление двух этих типов и определяет основной конфликт произведений. Так выстраивается контрастный ряд персонажей: Гололобов – Владимир Иванович, Паша Туманов – Костров, Ланде – Семенов» [11, с. 13].

А. Н. Долгенко также не оставляет без внимания проблему противостояния героя и антигероя в декадентском романе, рассматривая ее уже не только применительно к творчеству М. Арцыбашева, но и к произведениям Ф. Сологуба. Важно замечание исследователя о том, что «сюжет декадентского романа строится на основе развития особого конфликта, знаменующего фатальный разлад между миром и человеком в ситуации бессмысленности жизни и богооставленности человека» [5, с. 7]. Разрешение декадентского конфликта, по мнению Долгенко, «связано у Сологуба с уходом от жизни (в ирреальный мир мечты или «блаженного безумия» через преступление против других – убийство), у Арцыбашева – из жизни (в небытие через преступление против себя – самоубийство)» [5, с. 7]. О том, что убийство и самоубийство являются в декадентском романе полюсами одной темы, нами уже отмечалось. Исследователь указывает на то, что «позиция главных героев по отношению к полюсам декадентского конфликта наделяет их функциями декадентского героя (Логин, Сварожич) или декадентского антигероя (Передонов, Санин). С одной стороны, герой и антигерой декадентского романа имеют много типологически сходного, что позволяет Сологубу и Арцыбашеву еще более резко обозначить их противоположность» [5, с. 7]. К общим чертам героя и антигероя Долгенко относит следующие черты: черты «байронического» типа: принципиальный разлад человека с действительностью, причем не потому что человек несовершенен, а потому, что несовершенен мир; черты «лишнего» человека: невозможность реализовать потенциал своей личности в реальной действительности, крах попыток позитивного изменения мира; черты «нового» человека: оппозиционность социально-политической позиции, бескомпромиссность и целеустремленность (для достижения своей цели они не жалеют ничего и никого, идут на преступление); как герой, так и антигерой, ставят себя над миром и над людьми, совершают мистически окрашенное убийство или самоубийство [5, с. 7].

Можно выделить следующие отличия героя и антигероя: декадентский герой с его упорными поисками смысла жизни своеобразно включается в галерею героев-правдоискателей, он принципиально связан с традиционной художественной антропологией; декадентский антигерой и у Сологуба, и у Арцыбашева представляет собой новый тип: Передонов являет собой продолжение типа «маленького» человека, связанное с утратой человеческого («маленький» человек в нем измельчал настолько, что «человеческого» уже не видно за «бесовским»), Санин воплощает нищезанскую идею преодоления человеческого в сверхчеловеке [См.: 5, с. 7]. Если посмотреть на Санина и Сварожича, героя и антигероя в романе Арцыбашева «Санин», с нашей точки зрения, можно увидеть в Сварожиче двойника Санина. Санин и Сварожич появляются в уездном городе одновременно: Санин появляется из «ниоткуда», Сварожича ссылают за революционные идеи из столицы. Исчезают герои также вместе: сразу после похорон Юрия Сварожича, Санин вдруг решает, что ему в этом городе все опротивело, буквально срывается с места ни с кем не прощаясь и уезжает «в никуда». Как бы само собой напрашивается, что без Сварожича Санину в этом городе, да и в романе, делать нечего. Кроме того, Санин откуда-то знает подробности смерти Юрия, говорит, что Сварожич сам до последнего мгновения не знал, что застрелится. Также Санин высказывает дерзкие, циничные мысли о том, что со смертью Сварожича всего лишь «одним дураком меньше стало». У главных героев сходные семейные проблемы: сестру Санина обольщает офицер Зарудин и бросает беременной, Сварожича повергает в шок то, что жених его сестры Ляли, Рязанцев, ходит в публичный дом после свиданий с ней. Как Санин, так и Сварожич имеют связь с Зинаидой Карсавиной. Сначала Карсавина влюбляется в Юрия, но после несостоявшейся близости с ним (Сварожич не может себе позволить любить и радоваться жизни, так как это – выше его) оказывается в объятьях Санина. Стоит заметить, что смерть Сварожича наступает сразу после того, как Зина отдается Санину. Такое развитие сюжета вполне согласуется с нашим предположением, что Сварожич – двойник Санина. Отказавшись от любви Карсавиной и от близости с ней (в романе Зина очевидно заигрывает с Юрием и совсем не против такой близости), он отказывается и от жизни в целом. Санин же выбирает и жизнь, и любовь, и физическое проявление последней. Сварожич, таким образом, проигрывает в битве двойников и самоустранивается.

Что касается второго декадентского романа Арцыбашева, «У последней черты», здесь также присутствует тема двойника. Двойниками в этом произведении являются купец Арбузов и художник Михайлов. В романе «У последней черты» камнем преткновения, толчком для противостояния двойников (как и в случае с Саниным) является женщина – Нелли. При каждом появлении Арбузова в романе так или иначе упоминается Михайлов, создается впечатление, что само существование Арбузова заключается в противостоянии художнику, которое по ходу действия принимает более явные очертания. Арбузов буквально доводит бывшего друга до самоубийства, что почти равносильно убийству. Таким образом, убийство и самоубийство здесь снова сливаются, как и в «Портрете Дориана Грея». Заметим, что русские образцы декадентских романов отличаются от западноевропейских полифоничностью структуры (традиция Достоевского), в них переплетаются много тем, много сюжетных линий и судеб, в то время как у Гюисманса и Уайльда сюжет

построен вокруг единственной линии – линии морального падения главного героя. Эта особенность значительно затрудняет рассмотрение русских образцов жанра, ведь интересующую нас тему необходимо вычленивать из множества параллельных.

В романах Федора Сологуба борьба с двойником выражается в мистически окрашенном убийстве, однако следует отметить, что в «Мелком бесе» убийство Передоновым Володина представляет собой и жертву недотыкомке, которую тоже можно считать еще одним своеобразным двойником Передонова, чтобы та оставила его в покое. Оставляет ли мелкий бес Передонова, об этом мы можем только догадываться. Однако из «Творимой легенды» Федора Сологуба мы узнаем, что Передонов живет и здравствует, а его мечта сбылась, да еще и с избытком. Аналогичную картину мы наблюдаем в «Тяжелых снах», ведь убийство Мотовилова сопровождается самоубийством Спиридона, который думает, что это он спьяну изрубил Мотовилова за то, что тот гулял с его, Спиридона, женой. Здесь мы также видим, что убийство и самоубийство сливаются. Благодаря этой мистической смерти двойника, Логин излечивается от навязчивой мары, сбрасывает с плеч своего мертвеца. Именно после убийства двойника его отношения с Анной Ермолиной приходят к гармонии. Таким образом, отсутствие раскаяния у героев декадентских романов Сологуба можно объяснить тем, что в декадентской символике смерть двойника соответствует исчезновению, (само)устранению зла. Именно этим продиктована необходимость преступления. С этой точки зрения, в нижеследующих мыслях Логина следует искать не только кощунство и грехопадение, но и более глубокий смысл: «“Убито злобное прошлое — не воскрешай его! — шептали ему лунные лучи. — Не раскаивайся в том, что сделано. Худо это или хорошо,— ты должен был это сделать. И что худо, и что хорошо? Зло или благо — смерть злого человека? Кто взвесит? Ты не судья ближнему, но не судья и себе. Покоряйся неизбежному. Не иди на суд людей с тем, что сделано. Что тебе нравственная сторона возмездия? От них ли примешь ты великий урок жизни? А материальная сторона — неволя, тягости труда, лишения, страдания, позор,— все это случайно выпадает на долю добрых и злых. Кому нужно, чтобы к неизбежному горю и позору людскому прибавить твое горе, твой позор, и горе тех, кто любит тебя? Пусть тлеют мертвые, думай о живом!”» [10].

Следует задать еще один вопрос: кто же является двойником дез Эссента в романе «Наоборот» Ж.-К. Гюисманса, ведь исходя из структуры сюжета, единственным героем произведения является Жан дез Эссент? Однако, по замечанию А. Рохас, Гюисманс стремится создать произведение без сюжета и без героя в традиционном понимании этого слова, роман «Наоборот» – это произведение не столько о дез Эссенте, сколько о Фонтенее, доме героя [См.: 1]. А. Рохас отмечает, что роман начинается с въезда в Фонтеней и заканчивается выездом оттуда, сюжет без Фонтенея невозможен, это дом является главным героем произведения, а не меланхоличный аристократ. Кроме того, двойником, как это видно из «Портрета Дориана Грея», может выступать не только человек, но и объект, например, картина. Вывод напрашивается сам собой: дез Эссент своими руками создает себе двойника, в котором материализуются его, дезэссентовские, пристрастия и фантазии. Затем, так как из двойников выжить может лишь один, дез Эссент начинает испытывать сильнейшее сначала нервное расстройство, затем

физическое недомогание, то есть начинает умирать в буквальном смысле. Однако вовремя приходит врач, помогает Жану поправиться и говорит, что выздороветь Жан может только уехав из Фонтенея, то есть устранив двойника.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам: важнейшим композиционным элементом всех проанализированных декадентских романов является мотив смерти двойника, который берет начало в сказочном фольклоре. Смерть двойника, в рамках которой часто происходит слияние убийства и самоубийства, воспринимается в декадентском романе как исчезновение зла: умирает злой дракон, злой двойник, умирает не человек, разрушается не объект, а зло, которое он олицетворяет. Такой взгляд позволяет увидеть в отсутствии раскаяния в убийстве, которое характерно для декадентского романа, не только полемику с Достоевским, декларацию асоциальности или апологию аморализма, но поиск нового пути преобразования действительности, нравственного совершенствования, попытку искоренения мирового зла. Мы полагаем, что идейное содержание декадентских романов нельзя рассматривать без учета характерной для декадентов диалектики синтеза распада и созидания, развития посредством деградации и преобразования посредством падения. Мотив смерти двойника следует рассматривать в рамках характерной для декаданса поэтики парадокса: в битве между добром и злом, добро накапливается вокруг положительного полюса, зло вокруг отрицательного. В результате вокруг отрицательного полюса скапливается столько зла, что оно, стремясь разрушить все вокруг, разрушает само себя, самоуничтожается. Доказательством этой точки зрения может служить рассказ Ф. Сологуба «Самосожжение зла».

Рассмотрение идейного содержания декадентских романов с учетом сформулированных нами тематических особенностей и особенностей конфликта создают предпосылки для дальнейших исследований в этом направлении: идейное содержание темы самосожжения зла можно анализировать в контексте мирового эсхатологического дискурса, в частности фольклорного, философской традиции цикличности рождения и смерти, добра и зла как полюсов единого целого.

Библиографические ссылки

1. Арцыбашев М. П. Санин [Электронный ресурс] / М. П. Арцыбашев. – М., Терра, – 1994. – Т. 1. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/ARCYBASHEW/sanin.txt>.
2. Арцыбашев М. П. У последней черты [Электронный ресурс] / М.П. Арцыбашев – М., Терра, 1994. – Т. 2. – Режим доступа: http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0020.shtml.
3. Гюисманс Ж. К. Наоборот / Перевод с фр. Е. Л. Кассировой под редакцией В. М. Толмачева [Электронный ресурс] // Гюисманс Ж.К., Рильке Р. – М., Джойс Д. Наоборот. Три символистских романа. – М., Республика, 1995. – Режим доступа: <http://www.gramotey.com/books/401213955700.14.htm>.
4. Долгенко А. Н. Художественный мир русского декадентского романа рубежа XIX – XX веков: автореф. дис. докт. филол. наук: спец.: 10.01.01 «Русская литература» / А.Н. Долгенко. – Волгоград, 2005. – 40 с.
5. Зубарь Д. А. Символ змея-дракона в трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда» / Д. А. Зубарь // Современное литературоведение. – Выпуск 9. – Луганск: Издательство Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, 2011. – С. 54 – 63.
6. Кудіна А. Л. Жанрова своєрідність творів Михайла Арцибашева: автореф. дис. канд. філол. наук: спец.: 10.01.02 «Російська література» / А.Л. Кудіна. – Дніпропетровськ, 2009. – 19 с.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.

8. Сологуб Ф. К. Мелкий бес [Электронный ресурс] / Ф.К. Сологуб, 2002. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/SOLOGUB/bes.txt>.
9. Сологуб Ф. К. Тяжелые сны [Электронный ресурс] / Ф.К. Сологуб, 2003. – Режим доступа: <http://sologub.narod.ru/novels/tiazhelyesny.htm>.
10. Суворова И. В. Концепция «естественного человека» в прозе М.П. Арцыбашева: автореф. дис. канд. филол. наук: спец.: 10.01.01 «Русская литература» / И.В. Суворова. – Тюмень, 2007. – 21с.
11. Уайльд О. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремная исповедь / Оскар Уайльд . – М.: Художественная литература, 1976. – 768 с.
12. Rojas A. “Generating Degeneration: The Paradoxical Movement of Decadent Narratives” [Электронный ресурс] / Ana Rojas // The UCI Undergraduate Research Journal. – 2000. – P. 45 – 53. – Режим доступа: http://www.urop.uci.edu/journal/journal00/pagemaker_pdf_export/05_ana.pdf.

Надійшла до редколегії 15.05.11

УДК 82.0: 316.74

Е. Г. Иванцов

г. Днепропетровск

ПОСТРЕЦЕПЦИЯ ЧТЕНИЯ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОБРАЩЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ

Розглядаються можливі посткомунікативні результати читання художнього тексту та їх диференціація.

Ключові слова: пострецепція, мотивація, диференціація, читання, сприйняття.

Рассматриваются возможные посткоммуникативные результаты чтения художественного текста и их дифференциация.

Ключевые слова: пострецепция, мотивация, дифференциация, чтение, восприятие.

The possible postcommunicative results of literary text reading and its differentiation is discussed in the article.

Keywords: postretsepsiya, motivation, differentiation, reading.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена интересом литературоведения, социологии чтения к проблемам восприятия художественного текста как на стадии мотивационного выбора книги для чтения, так и возможных результатов, возникающих после его прочтения. Цель данной статьи состоит в обобщении и дифференциации возможных результатов посткоммуникативных результатов чтения художественного текста. Данная цель предполагает решение следующих задач: дифференцировать возможные посткоммуникативные результаты чтения и рассмотреть их в связи с конкретными фактами функционирования художественных текстов; обобщить как имеющиеся в науке о литературе дефиниции пострецепции, так и предложить оригинальные.

Перспективы изучения пострецепции чтения связаны с актуальностью проблемы читателя в историко-литературном, социокультурном контексте конкретного времени, в котором читатель является важным субъектом литературного процесса. Мотивации чтения выступают как предрецепционное звено в акте чтения, часто определяющие, характеризующие процесс освоения художественного текста. Не менее значим, интересен, на наш взгляд, и пострецепционный результат, выраженный в обобщенном понятии